

18+

Александр Студницын

Игра в дурака

поэтический сборник

Александр Студницын

Игра в дурака.
Поэтический сборник

«Издательские решения»

Студницын А. А.

Игра в дурака. Поэтический сборник / А. А. Студницын —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-622168-0

Разрушенный образ дома, утрата знакомых дорог, поиск себя, когда потерян где-то между Москвой и заброшенной русской деревней. Избранные стихотворения 2014—2024.

ISBN 978-5-00-622168-0

© Студницын А. А.
© Издательские решения

Содержание

Инсценировка	6
Агнософобия	8
Проснуться	10
Игра в дурака	11
Мешок	12
Круги на полях	13
Пуговицы	15
Танец Шивы	16
Спиритизм	17
Пожалуйста	19
Жемчуг	20
Хоррор	21
Натура	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Игра в дурака

Поэтический сборник

Александр Александрович Студницын

Елена Евгеньевна Студницына *Иллюстратор*

© Александр Александрович Студницын, 2024

© Елена Евгеньевна Студницына, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0062-2168-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

в путь

Инсценировка

По логике ночного кошмара
не сплю, но не подам вида.
Тот, кто идёт за мной,
стучится,
а наяву дверь открыта.
У моего страха
глаза велики,
но ему не на что
посмотреть.
Мне снится,
что я Агата Кристи.
Во сне я инсценирую свою смерть.

Астральный выход,
а может, секс?
как способ
уйти из тела.
С виду
женскую комнату
одежда
в мужскую передела.
В стёклах моих
луна,
лицом разрезанная на две.
Как мёртвые
на загадку,
смотрю, будто знаю ответ.

Мне снится,
что я расчесал
в кровь
лестницы-лабиринты.
Мне снится
свет маяка,
и кажется,
что любим ты.
Знакомых в своих преступлениях
обвиняет Эркюль Пуаро.
Тот, кто идёт за мной,
инсценирует
смерть на Таро.

Наутро в моём пальто
карты лежат,
как улики.

Голос из книг
не звучит
в экранизации любимой книги.
Мне нужно сойти с ума,
гнать птиц
и накинуть рваньё.
Мне нужно смотреть на жизнь,
как на женщину,
и потерять её.

Агнософобия

Я сын серийного убийцы?
Ну ладно.
Мой отец пропал без вести,
за это у меня есть
государственная награда.
И надо, не надо,
никто не спросит меня об этом.
В цирке глаза соблазнам не устоят.
День пахнет волосами из раковины туалета.
Ты скажешь, что понимаешь меня.
Ну да.

Ты та,
кто смотрит в лицо, чтоб увидеть бездну.
Моя работа не терять лица.
Говорят,
ты пережила конец света,
прелестно.
По всей видимости
из-за моего отца.

Осенью небо становится жирным,
как пальцы слуги Сатаны.
Канатоходец
не смотрит в бездну,
бездну видят со стороны.
У меня есть документы, очки и маска,
в цирке холодный приём.
Ты убила родных в Ковид-19,
Маска – это не твоё.

Глаза у собаки с отливом красным,
когда от бойни есть ключ.
Ты смотришь в бездну, смеёшься над бездной,
Ты думаешь, я смеюсь?
Мне нравится быть для тебя кошмаром,
бежать за тобой в страшном сне.
Для видевших дьявола,
он в деталях,
Для тех, кто не видел,
дьявол во мне.

Я не смотрел
сериал
«Люцифер» и да,

не смотрел в глаза.
Если тебе суждено жить долго,
мне было бы
нечего рассказать.
За глаза
всё, что ты видишь во мне, —
добровольно
показывать
не захочется.
Я видел людей, похожих на моего отца,
у тебя с ними ничего общего.
У меня – имя отчества.
Тебе лучше пропасть навсегда.
Ты знаешь, что это конец.
Я презираю всё,
что можно найти,
потому что не знаю, как будет выглядеть мой отец.

Проснуться

В телефонной книге мёртвых меня нет.
В свой дом я попадаю через окно.
Мои горящие книги не защитить на войне.
О народной тропе через поле маково
чья-то вдова заплакала.
Да, плевать. Я не понимаю, кто я,
как не понимают во сне.
Тебя никто не любил, если не сделал больше,
чем третья жена Михаила Булгакова.

Мне снится поле, ручей, в руке
три головки репья.
Мой свитер до лета ничей, репы
высохшие на мне спят.
До осени меня здесь нет.
До раскаянья Льва Толстого не дожил бог.
Когда в будущем сладок стыд,
я, как Максим Горький, кажусь
святым с адописной иконой своего прошлого.
Не ждите меня, друзья.

В тихом доме не любят гостей,
я здесь, кого ищете вы?
Мне пришлось бы разводить мух,
чтобы узнать, вы живы или мертвы?
Есть некие вещи в штанах,
говорят, красивые, когда твёрдые.
Репейники высохли без любви.
Есть вещи красивые, когда мёртвые,
моя империя.
Распадается...

Щекотно, от Евгения Онегина во мне
остался только Пушкинский язык.
Меня разрушает, что я годами вижу
только минутную стрелку, смотря на часы.
Впереди у меня было всё,
а теперь тишиной обрывается.
Император внешнего мира выпустил куклу из рук,
а я сам? Выпустил душу во тьму,
как выпускает её человек,
когда просыпается.

Игра в дурака

Мёртвой бабочкой на подоконнике
пакетик незаварившегося дня.
Ты смотришь в искусственное окно
и видишь искусственного меня.
Он улыбается, здоровается,
лениво машет рукой.
Откуда же это чувство,
что он здоровается не с тобой.
Откуда же эта мысль,
что ты живёшь, как во сне?
А потом ты делаешь выстрел,
думая, что в руках
игрушечный пистолет.

Снег омерзителен на обочине,
как человек в говне и крови.
Ты боишься, что мир закончится,
его страшно остановить.
Из тебя ничего не вышло,
и ты создал себя сам.
Отчего же тебя не видят
другие кукольные глаза?
Отчего же они смеются,
как будто бы ты слепой?
А потом ты стреляешь в трупы,
думая, что они
говорят с тобой.

Это не снег, а так,
в окне что-то белое падает.
Носками в плотке стихи,
выученные от «а» до «я».
Больничным запахам коек
дышать в своём доме, как
На фото, где ты был молод,
увидеть лицо врага.
Чудовище, что ты создал,
его глаза голодны.
Ты умираешь от выстрела,
думая,
что от чувства
вины.

Мешок

Мне стыдно, что в конце
моего предложения у тебя стоит троеточие.
У нас, как у ошибок, ничего общего,
потому что прошлое общее.
Ты не посадишь меня в мешок,
но я слышу крики котят.
Мне придётся с тобой говорить,
иначе котята не замолчат.

Дети увидели призрака,
отцы – ничего волнующего.
В фильме о проклятом доме
призраки были из будущего.
Ты помнишь, как мне написала
о мёртвых смешные стихи?
В мешке, как японские девочки,
из темноты: хи-хи-хи!

В глазах литературного вечера
Ты плач утопила в критике.
Здесь лица почти не меняются,
не знают, как быть и кем.
Трагедия в утробе таланта,
как сестра, поглощающая род Бронте.
Из неудач я влюблялся в большее
из провалившегося в декольте.

У друга на телефоне
звонки человека без будущего.
Неотвеченные вопросы,
к примеру: «Живу для чего?»
С тех пор, как ты выносила
мешок, где болталась рука,
у меня страх носить нечто мёртвое,
как у носителя языка.

На интервью из моей головы
ты сбрасываешь не чешую.
Тебя сохраняют в памяти,
как врач – сумасшедшую.
Мне стыдно, что я предложил,
а ты не взяла ключа.
Мне больше не о чем говорить,
мои котята – молчат.

Круги на полях

У поля – острее взгляд,
у леса – острее слух.
В прятки играют в тепле,
что лес не горит солгу!
Ты будешь смеяться, считать
с завязанными глазами.
Сорви мне ядерные цветы с неба,
когда меня не станет!

На поле есть огненный круг,
а у тебя снег на слуху.
Чтобы играть с тобой,
мёртвые в поле встают,
а я не смогу.
Есть игры и пули,
редкие,
как множественные ножевые.
Есть прятки,
в которые не играют живые,
ты и я.

У поля – горят глаза,
а у тебя в горле – крик!
Есть непонятая красота —
дома, когда он горит.
Тебе, как нелепая кукла,
ребёнком брошенная в угол,
мой поцелуй —
здесь ничего не осталось,
кроме уродливых кукол.

Пуговицы

Раскрываю ракушку, а там что-то жидкое,
как хлеб из блокадного Ленинграда.
У тебя на лице черви и муравьи,
ты говоришь, волноваться не надо.
Ну да, не надо, на губах эротично алеет помада.
Утром наступит ничто, ты рада.
Мне грустно и хочется ещё раз поговорить
про хлеб из блокадного Ленинграда.

По-моему бояться нечего.
По-моему искусство воскреснет.
По-моему лучше искусства есть пиццу без алого кетчупа.
Ты скажешь, что это губная помада.
В конце концов, она ала.
И то, что я вижу на унитазах, не значит, что ты его целовала.
Мне тоже гордиться нечем.
Я по всему городу скупаю аромасвечи и не чувствую запах.

Вчера снилось, что сгнила луковица.
Переворачиваюсь набок.
Во сне ты хитро застёгиваешь ленивую пуговицу.
Ты не чувствуешь запах.
Наяву мне улыбается человек, а рядом ребёнок куксится.
«Мама, у тёти вместо глазика пуговица».

Хорошо, что не луковица.
Что шляпа не набок. Так-то ладно. Запомни что ли!
То, к чему мы привыкли, меняется,
как мидия или устрица.
Я закрываю глаза на все пуговицы
и умираю, как просыпаюсь.

Дорогая, не видеть, как прыгнуть в море!
Я расстёгиваю глаза и чувствую себя голым.
Я расстёгиваю глаза, как ширинку, меня просят застегнуть
обратно.
В Ленинграде нет моря.
А если есть, то со вкусом блокадного Ленинграда.

Танец Шивы

Самое страшное, ты не боишься чудовища,
у него нелеп вид.
Ты забыл, не красота опасна,
а то, о чём она говорит.
Мне нужно уйти в темноту,
я собрал её в себе сам.
Мои любовницы тебя найдут,
как вестники апокалипсиса.

Чтобы идти над пропастью,
нужно убить в себе стыд.
Смотреть в глаза дьяволу,
пока вопрос не закрыт,
Играя на раздевание
в карты, дама, валет?
Раз на пути стоит стыд,
меня это не останавливает.

То, что на свету прячут,
в темноте – напоказ.
Когда сгущаются тучи,
молния бьёт на счёт раз.
Пирсинг, тату – искусство?
покажи его мне, но не им.
Пирсинг издаёт звук
перед ударом молнии.

Танцующему танец Шивы
нужен высокий рост.
Ницше не видел пропасть
или ошибся всерьёз.
Тебя приучило чудовище
к солнцу за два часа.
Бездна смотрит в того,
кто от неё отворачивается.

Теперь мои строчки голые,
как детям ответ на вопрос.
Учителя прячут ноги,
под юбками варикоз.
Мне нужно идти ко дну,
маяк не для нас, прости.
Обо мне говорят потому,
что не могут сказать об опасности.

Спиритизм

Лето уходит, оставляя запах
гари и трупы птиц.
По дороге скошенная трава,
которую некому разгрести.
Говорят, так мало нынче в Подмосковье русских,
что мы сломали русскую деревню.
Да, это так. Вдоль дороги старики
стоят, как привидения,
то есть привидения, как старики стоят.

Лето уходит, а лес разграблен,
как мой опустевший дом.
Всё, что я потерял в квартире,
здесь – перевёрнутое вверх дном.
Осенью лес мне напоминает о смерти,
как выпотрошенные кресла,
как пятна алые в пустом луна-парке,
где дочь у соседей исчезла.

Лето ушло, а мода из детства
останется в этих домах.
Я не уверен, что узнаю соседа,
но уверен, что узнаю впотьмах
в штанах из моего детства,
из моего гардероба.
Мне нравится девушка, одетая чтобы
остановить моё вымирание
или сердце.
Сегодня у магазина
у неё кинопроба на раздевание
или бегство.

Лето вернётся, как возвращаются
воды, как возвращаются воды
моей реки.
То есть они стоят, и возвращаются,
как повершенные враги —
в гробах в другие деревни.
Мне захотелось ночью тайком
проследить за девушкой в русском селении.
Привидения в сущности – грустные люди.
Она подводит глаза,
как будто говорит с привидениями.

Мне нравится, что здесь на природе

все думают о чём-то своём.
Твоя смерть в России не вызывает эмоций,
как бездарный художественный приём.
Моя мама плачет по осени
и тусит на даче отца.
Говорят, старики заперты в осени,
для них она не кончается.

Вечером у магазина
долго никого нет.
У Девушки с кинопробы
в руке железнодорожный билет.
Она так похожа на осень,
уходит почти раздетая.
Она думает, что говорит с мёртвыми,
а это я, это я...
говорю с ними всё лето.

Пожалуйста

Как мысли о скором бегстве, квартира не заперта.
Кажутся незнакомыми – чашки сменили места.
«Ты в целом кому-то мешал» – мама проблему озвучила.
Из тебя неудобного сделают удобное чучело,
чего ты ждал?

Передо мной зубы – тридцать два зуба в ряд.
Это улыбка, по крайней мере, так говорят.
Тебе рады здесь, скажу, чтоб совесть не мучила,
Тебе были рады здесь, потому что искали чучело,
и ты им стал.

Звонок и шаги на лестнице, квартира не та.
О мёртвом заплачет женщина, случится беда?
Чучелу человека со мной говорить не наскучило.
У меня с ним общее детство, не делай из меня чучело,
пожалуйста!

Жемчуг

Ракушка, где в озере скрылся Урал,
треснула, как на яблоке кожура.
Улиткой надгробия сносит оползень,
время бьёт не точно, а по всем!

Ещё год назад я в будущее верил сам.
Трещиной расползаются голоса.
Детский смех слышат мёртвые в озере
и тоскуют о море, как о себе.

Я в улыбке родителей эхо струн
взял с поездкой на море к себе в нору.
Где границы заката захлопнутся,
вспоминаю лицо своего отца.

Он от моря не смог отыскать ключа,
этот ключ у меня, хочется кричать!
Ракушка в руке рассыпается,
что мне жемчугом кажется, то я сам.

Завтра оползень, значит, закат погас.
Мимо нас проплывают гробы без нас.
Как ребёнка от мёртвого отделить
среди тех, чья улыбка от матери?

Поднимаю ракушку, она молчит,
ожерелье из жемчуга, где ключи?
Дети заплакали, верить как
смеху моря с дальнего берега?

Хоррор

За стеной кто-то умер, и мне трудно не думать об этом.
Ты не сможешь уйти, все знают, что мы сделали прошлым летом.
Чтобы шоу продолжалась, стань улыбочивым и простым.
Мне жаль тех, кто не хочет всерьёз умереть молодым.

Для памяти комикс, гостям, как открытая книга.
Я тот, кто узнает в тебе королеву крика.
Ты не актриса, я тоже играть не привык.
Жаль, что с рождения им нужен был только твой крик.

За словом «заткнись» звук костяного хруста.
Самое страшное – предать не себя, а своё искусство.
Режиссёр снимет бойню, а скажут – хороший фильм,
Где в роли актёров умрут все, кого ты любил.

О чудовищах прошлого знает библиотека!
Чтобы тебя прочитали, убей в себе человека!
Я накрываю на стол и чувствую в комнатах дым.
Подпол кто-то поджёт, я надеюсь, что это ты.

Фильм не будет доснят, основа сгнила сырая.
Мне приснятся слова, записка: «Я всё ещё знаю».
С червяками из дыма у неба знакомый вкус.
Вкус дома и слёз, которыми я захлебнусь.

Ты улыбаешься, это другой сценарий.
Дебют в новом жанре, у критика – комментарий.
Фильм не удался, мы снимем ещё один.
Ты со мной, ты разделась и будешь кричать, прости.

Натура

Россия – натурщица смерти, её тело красиво!
Нам так хорошо на закате, либо мне кажется, либо...
На скатерти плоских берёз солнце блюёт синевой.
Мой город прожёт на скатерти нимб над своей головой.

В глазницах моих современников темно, как в горячей хате.
Зато лучшие фотографии делают на закате!
На будущем и могилах церковь поставила крест.
В России не любят бога, потому что не любят лесть.

Из жести и проволоки, из брёвен и хвои.
Мне стыдно сказать, что я создал что-то живое.
Критика здесь не нужна, растащат своё на куски.
Моя любовь к Родине останется вопреки.

Чтобы кровь не пролить, раньше точили вилы.
Чтобы остаться в земле, мёртвые роют себе могилы.
Какого врага или бога ты любишь больше всего?
Я не ревную, только здесь больше нет никого.

Ценители одиночества – это русские люди.
Если себе на уме, дружбы с тобой не будет.
Не прижилось стукачество, лучше словом убей!
Здесь не бросают друг друга, но в волосы бросят репей.

У смерти тоскливый почерк, её картины – гравюры.
В России ночь не кончается, потому что рисуют с натуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.